

НА ЛИНИИ ФРОНТА
ПРАВДА О ВОЙНЕ

Петр Боград

ОТ ЗАПОЛЯРЬЯ
ДО ВЕНГРИИ

ЗАПИСКИ
ДВАДЦАТИЧЕТЫРЕХЛЕТНЕГО ПОДПОЛКОВНИКА

1941—1945

**Петр Львович Боград
От Заполярья до
Венгрии. Записки
двадцатичетырехлетнего
подполковника. 1941–1945**

**Серия «На линии
фронта. Правда о войне»**

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=606195

*От Заполярья до Венгрии. Записки двадцатичетырехлетнего
подполковника. 1941-1945: Центрполиграф; Москва; 2009*

ISBN 978-5-9524-4391-4

Аннотация

Генерал-майор Петр Львович Боград относится к тем фронтовикам, которые прошли Великую Отечественную войну от первого до последнего дня. Юношей, в начале жизненного пути, П. Л. Боград оказался в эпицентре жестокого противостояния. Удивительно сложилась судьба молодого лейтенанта, выпускника военного училища, 21 июня 1941 г. прибывшего по распределению в Прибалтийский особый военный округ. Вместе со всеми он сполна испытал горечь первых поражений:

отступление, окружение, ранение. Уже в 1942 г., благодаря незаурядным способностям, П. Л. Боград был выдвинут в командиры стрелкового батальона. В 22 года он стал начальником штаба полка, а войну закончил подполковником, исполняющим должность начальника штаба стрелковой дивизии. Его воспоминания о сражениях, участником которых он был, потрясающих эпизодах боев и обычной жизни на фронте отличаются точностью и масштабом видения событий.

Содержание

Предисловие	5
Детство	8
Яростный 1937-й	17
Довоенная армия	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Петр Боград От Заполярья до Венгрии. Записки двадцатичетырехлетнего подполковника. 1941–1945

Предисловие

Всегда сложно писать о человеке, которого ты знал лично, сидел за одним столом у него в гостях, который оставил в твоей памяти яркий след.

Генерал-майор Петр Львович Боград принадлежал к тем фронтовикам, которые прошли Великую Отечественную войну с первого до последнего дня.

Великую Отечественную войну он встретил в местечке Плунге на бывшей литовско-германской границе, куда прибыл поздним вечером 21 июня 1941 года старшим команды из тридцати шести новоиспеченных лейтенантов Камышловского пехотного училища, направленных в распоряжение 204-го мотострелкового полка.

А дальше – отступление до Пскова, командование ротой

полка, собранного из разбитых частей, ранение.

После госпиталя Петра Бограда направили в Москву на стрелковые курсы повышения квалификации «Выстрел». 16 октября 1941 года срочно из офицерских курсов был сформирован батальон и брошен в бой под Клин.

Затем – Северо-Западный фронт. Командование батальоном, бои в Заполярье под Кандалакшей в составе 122-й стрелковой дивизии.

С осени 1944 года в составе 2-го и 3-го Украинских фронтов Петр Боград прошел Румынию, Венгрию и закончил войну подполковником на южной границе Австрии и Югославии в должности начальника оперативного отделения штаба 122-й стрелковой дивизии.

По окончании войны П. Л. Боград закончил Военную академию имени М. В. Фрунзе и служил на различных командных должностях, от командира полка до заместителя командующего войсками Приволжского военного округа. Служба П. Л. Бограда в рядах Советской армии продолжалась до конца 1980-х годов.

Петр Львович Боград активно поддерживал и способствовал сотрудничеству ветеранских организаций России, Израиля, США.

В Московском научно-просветительном центре «Холокост» он возглавлял военно-историческую секцию, часто выступал с интереснейшими докладами о малоизвестных широкой общественности военных событиях XX века.

Изучение архива П. Л. Богда было начато нами еще при его жизни, вместе с ним. К великому сожалению, он серьезно взялся за написание мемуаров слишком поздно, времени не хватило.

В 2004–2007 годах весь архив (воспоминания, фотографии, рабочие тетради, аудиозаписи) генерал-майора П. Л. Богда поступил в НПЦ «Холокост» и послужил основой для подготовки этой книги.

Л. А. Терушкин

Д. А. Алексеев

Детство

Я родился в 1920 году 12 августа в местечке Доброе. Оно находится на юге Украины, примерно в 45–50 километрах севернее Николаева. Наша еврейская колония была образована в начале XIX века. Первые поселенцы, десять семей, там появились в 1802 году. Я думаю, что они прежде жили в районах Витебска, Могилева, Польши, а также в Литве, потому что в нашей деревне использовался еврейский говор на идиш с польским, а также с литовским акцентом.

Колонии образовались еще до организации черты оседлости. Было очень много недовольства евреями в народе. Сами евреи пришли к царю и попросили разрешения уехать на юг, получить там земли и создать соответствующий своей культуре образ жизни. Они получили разрешение, и началось перемещение. Обеспечение их было очень незначительное. Больше всего людей оседало в Херсонской губернии.

Весной 1801 года в этом регионе было основано восемь еврейских колоний, в них жили 19 семей (около тысячи человек). Материальное положение их было катастрофическим. Это были несчастные люди. Они жили в жалких домишках, в ужасной скученности, страдали от болезней, им не доставало самых простых рабочих орудий и медикаментов. Царские чиновники обманывали и обсчитывали евреев, присваивали себе часть ассигнований, которые правитель-

ство через них переводило поселенцам.

Но наконец нашелся честный и умный русский следователь, присланный из Петербурга. Он обнаружил, что инспектора попечительского ведомства передали поселенцам намного меньше телег, плугов, борон и другого инвентаря, чем значилось в отчетных ведомостях, а рабочие волю, закупленные ими для поселенцев, были стары и работать не могли.

Постепенно, после многих лет голода и страданий, дела еврейских поселенцев начали налаживаться. Материальное положение их укрепилось, болезни и смертность пошли на убыль, поселенцы научились разным ремеслам, в их семьях выросли дети, привычные к труду. Особенно начали расцветать колонии к середине XIX века. К этому времени на юге Украины (Одесская и Херсонская области) насчитывалось более 20 еврейских колоний. Были целые районы еврейских поселений.

Основа жизни колонии – сельскохозяйственный труд.

Я хорошо помню нашу колонию Доброе. Это был большой населенный пункт, расположенный на площади более восьми квадратных километров, численностью жителей более восьми тысяч человек. Имелась еврейская школа-семилетка, и были еще две школы-четырёхлетки – еврейская и немецкая.

В Добром была целая улица немецких поселенцев-колонистов. Я не знаю, в каком году они появились. Улица, где

они жили, называлась Советской. Они были довольно зажиточными, работали в колхозе. Все так тесно переплелось, что трудно было разобрать, кто еврей, а кто не еврей. Язык немецкий почти слился с идиш.

В Добром было четыре синагоги. Самая большая стояла напротив нашего дома. Она была примерно на 600–700 посадочных мест.

Искусственно устроенные пруды как бы разделяли село на три части. В общественных прудах разводили рыбу разных сортов (сазан, карп, карась), и жители имели возможность ловить рыбу. Население занималось, главным образом, хлебопашеством и животноводством. Очень многие занимались виноградарством. Виноградники были вынесены за пределы колонии, где большинство семей имели по 0,25 десятины земли.

Я помню, как аккуратно были устроены участки: на каждом имелся шалаш, в котором работники могли в жару или дождь передохнуть и поесть. Был на 10–15 участков один колодец. Вода в наших местах ценилась на вес золота. В Причерноморье всегда были проблемы с питьевой водой. Виноградники охранял один человек – Ареле Спелярский. Маленького роста, всегда заросший, обвешанный множеством свистков разной тональности. Никто не знал, когда он спит, когда ест. Днем и ночью раздавались трели его свистков, что значило – Ареле не спит, охрана на месте. Урожайи винограда были очень велики. В жаркую погоду, если попросить на-

питья воды, у нас предлагали медную кружку с виноградным вином.

Климат в наших краях способствовал также и высоким урожаям колосовых. Посевная начиналась в начале марта, а уборка заканчивалась в августе. На всю колонию была одна молотилка и один паровик, и в годы большого урожая обмолот проводился последовательно по группам, а в обычные годы обмолот зерна проводился на токах в каждом дворе, самым примитивным способом. Вначале специальным камнем с парой лошадей, а затем специальной доской и также парой лошадей. В 1920-х годах возникла проблема с хранением зерна, и на сходе колонии решили построить большой элеватор на десятки тысяч тонн. Это было очень красивое сооружение, которое было видно за много километров.

Большинство колонистов жили зажиточно, но было и немало бедных семей, которым по возможности оказывалась помощь. Рабочие колонии трудились на трех маслозаводах и на паровой мельнице, была также крупная молочная ферма, где производились масло и сыр высокого качества, который закупали Одесса и Николаев. В 1926 году в деревне появился первый колесный трактор, присланный, как говорили, организацией «Джойнт». Это было большое событие, вся колония сбежалась смотреть на это чудо. Электричество появилось только в 1938 году. Дома освещали керосиновыми лампами, свечами. Радио впервые мы услышали в 1933 году, когда я уже закончил 7 классов.

Папу моего звали Лев (еврейское имя – Лейб) Боград. Он родился в 1896 году. Он хорошо читал и писал по-русски. Вначале он работал гуртоправом, то есть занимался перегонкой скота для скототорговцев. Потом научился варить сыр, окончил курсы, на которых учился несколько лет, и стал лучшим сыроваром в области. В нашей деревне у него было кустарное производство. Потом отец переехал из деревни в Николаев, устроился на завод, где производство сыра было механизировано. Там он был начальником сыроваренного цеха, делал разные сорта сыра. Папа характером был в дедушку, был добрым человеком.

Маму звали Соня. Она была 1897 года рождения. В молодости она была модисткой. Ее девичья фамилия Найдина. Мама моя родилась в Смеле, это на Украине, от Киева километров четыреста. Она была человеком очень строгих правил в смысле нравственности, держала нас с братом строго, не давала распускаться. Мальчишки в деревне бегали без штанов. Мама никогда этого не разрешала. Всегда чистенькие белые рубашечки, а уж если начинала нас мыть, то так отдраивала, что мы кричали: «Боже мой!» Она была очень аккуратным человеком. В день своей смерти она встала, приняла душ и умерла. Это был 1985 год. Мама окончила начальную еврейскую школу (4 класса), была грамотной, умела читать и писать на идиш и по-русски.

У мамы и папы было два сына – я, родившийся в 1920 году, и мой брат Рувим, 1924 года рождения. Брат был очень

хорошим парнем. Он был небольшого роста, курчавый, блондин. Моя мама тоже была блондинкой. День, когда он родился, я как сейчас помню. Это было 21 января 1924 года. Мама лежала на кровати, и ноги ее были привязаны полотенцем к ножкам кровати. Мой дядя, младший брат мамы, закутал меня в платок и увел из дома. А потом я помню, как брат лежал в кровати и играл золотым кольцом, которое моя бабушка спускала ему на нитке. Потом он вырос, пошел в школу, учился очень хорошо. Его из третьего класса перевели в пятый, такой он был способный. В хедере он не учился. Рувим начал ходить в школу в 1931 году, тогда уже синагогу превратили в клуб. В 1938 году он закончил семь классов и поступил в Одесский еврейский машиностроительный техникум. Я его перед началом учебного года отвез в Одессу, устроил на частной квартире.

Я пошел в хедер по настоянию бабушки в 1926 году. Мне хотелось вольности, но бабушка сказала: «Нет, в хедер, и все». Там я научился читать и писать на идиш. Как сейчас помню, как я читаю буквы: алеф, бейт, гимел. И тут мне на стол падает конфета. Надо мной стоит ребе и говорит на идиш: «Это тебе послал Бог». Я благодарю ребе и думаю: как же это Бог смог мне прислать эту конфету. Смотрю наверх: ни щели, ни дырки нет. Я смотрю, а что Бог даст Борьке Минькову, и вижу, что ребе отгибает палец и из его кулака падает конфета. Я говорю: «Ребе, это же вы бросаете!» Ребе отвечает мне: «Ах ты, мамзер!» – и бьет линейкой по ру-

кам. «Мамзер» в переводе значит «незаконнорожденный», это такое ругательство. С тех пор, как ни странно, я перестал верить в Бога. Потом я учился в еврейской семилетней школе. Все предметы преподавались нам на идиш.

В начале 1920-х наша молодежь организовала сельскохозяйственную коммуну «Новый быт», по сути прообраз израильских киббуцев. Но, к сожалению, вскоре директивно начали создавать колхозы. Было создано два колхоза. Первый – на базе коммуны «Новый быт», второй – «Вперед». В середине 1930-х годов создали третий колхоз, «Красный луч». Голод 1930-х годов тяжело сказался на этих колхозах, однако хороший урожай кукурузы, припрятанный руководством колхозов нашей колонии, обеспечил колхозникам минимальный уровень жизни, у нас не было умерших от голода. В пяти километрах от колонии была создана специальная сельскохозяйственная ферма, где дети колхозников получали среднее агрономическое образование. Детство было прекрасным, я с радостью делал все, любую работу. Я вместе со взрослыми после занятий работал на винограднике, в поле, на току, убирал кукурузу и подсолнух.

Забегая вперед, скажу, что война оказалась переломным моментом в жизни моей родной колонии. С начала войны все годные к службе мужчины ушли на фронт. Часть жителей ушла на восток Украины. А многие жители остались, остались и дедушка с бабушкой, они пытались уехать из колонии на повозке, но немцы их перехватили и вернули обратно.

Фашисты заняли село без единого выстрела в конце августа 1941 года, а 2 сентября оставшихся жителей – стариков, детей, больных – они согнали на край села и всех 257 человек расстреляли. Были расстреляны мои близкие: бабушка, бабушка, тетя Хая, Сура, жена Иосифа, дядя Вельвел, двоюродная сестра Бася в возрасте 15 лет. Расстреляли их на немецком кладбище возле оврага. Бабушка тогда ходить не могла, ее везли на повозке. Бася сбежала и спряталась в скирду соломы. Немцы вилами разворошили эту скирду, вытащили ее и убили.

Больше всего меня возмущает то, что большинство участников убийств были немцами, жителями нашей деревни. О том, что мои родные погибли, я узнал только после войны, хотя о том, что немцы свирепствуют, убивают евреев, я знал и во время войны. Мои папа и мама к началу войны жили в Николаеве. Отец работал технологом на молочном заводе. Потом началась война. Я родным успел из Пскова дать телеграмму, что скоро буду участвовать в боях, и выслал им аттестат, и, кстати сказать, по этому аттестату они всю войну получали деньги. В начале августа немцы подходили к Николаеву. Мама и папа пешком пошли вдоль Днепра. Там переправились на другую сторону, сели на поезд и уехали в Саратов, где жила семья брата моей мамы. Дядю вскоре призвали в армию. Сначала они жили вместе с семьей дяди, а потом жили в Саратовской области, в деревне, где отец работал на элеваторе.

В 1970 году я побывал в родной колонии. Это уже была не наша колония. Все, что создавалось долгими годами, было разрушено, сады и виноградники варварски выкорчеваны. От нашей колонии осталась только школа, заросшие пруды и плохонький памятник на братской могиле расстрелянных. Больше туда приезжать у меня желания нет. После войны туда переселили украинцев из Западной Украины. Все, построенное прежде с любовью, разрушено, в руинах.

Яростный 1937-й

Надо признать, в юности я был весьма энергичным человеком. Интересы мои, бывало, далеко выходили за непосредственные границы того вида деятельности, которым приходилось заниматься. Впрочем, повышенная социальная активность была свойственна тогда значительной части молодежи. Правда, иногда она приводила к непредвиденным результатам. Или, возможно, та «активность» только с нынешней точки зрения повышенная, а на самом деле нормальна?

В 1936 году, после окончания школы, я поступил в Полтавский железнодорожный техникум. Учеба давалась мне нелегко, так как я поступил в техникум после сельской семилетки. Конечно, преподаватели у нас были слабенькие по сравнению с городскими. Пришлось ликвидировать пробелы в образовании, но учился я на «хорошо» и «отлично». Жил я в общежитии – веселой и беззаботной студенческой жизнью. Я увлекся общественной работой, вступил в комсомол, стал членом комитета комсомола.

Весной я получил задание проверить состояние пути от станции Ромодан до Кременчуга. И вот мы – два студента и два путеобходчика – проделали пешком этот путь, осматривая колею, шпалы, накладки, болты, костыли, стрелочные переводы. Мы прошли двести километров, и ежедневно в газете Полтавского отделения железной дороги печаталась

сводка о нашей работе. Недостатков мы обнаружили много, и группу поощрили приказом начальника службы железнодорожного пути. Это была серьезная оценка.

После этого знаменательного похода начались краткие каникулы. Побывал я в городе Новоукраинка Кировоградской области, где в это время жили мои родители. Затем отправился в колонию Доброе к дедушке, бабушке, двоюродным братьям и сестрам. Помню, что главным мотивом возвращения к истокам детства стал факт, что там в те же дни гостила любимая мною тетушка Лия, студентка сельхозакадемии имени Тимирязева. Лия – одна из младших сестер моего отца.

Юность моя начиналась прекрасно, и грядущая жизнь представлялась интересной, полной радостного труда и успехов.

Но! Первый же день моего возвращения в техникум, в конце июня, поставил первый жирный знак вопроса в моих наивных представлениях. Вначале я подумал, что меня пригласили на утреннее заседание комитета комсомола как председателя профкома техникума. Но, когда я увидел глаза своих товарищей, сразу стало не по себе. Близкие друзья смотрели на меня как на чужака, осуждающе и даже с презрением.

Во главе заседания – Володя Волевич, с которым нас объединяла и учеба, и общественная работа, и «единые» взгляды. Рядом с ним секретарь партийной организации, еще

несколько ребят. Среди них Надя Комарова, Андрей Калашников, мой земляк Гришка Косой...

– Боград, где твой дядя?

– Какой? У меня их много.

– Дядя из Киева!

– Он – ректор Коммунистического государственного агрономического института имени Косиора.

Пауза и вопрос, как разрыв снаряда над головой:

– Ты знаешь, что он враг народа?

Ответ мой прозвучал не из рассудка, из сердца:

– Не может быть!

Тут все и началось. Точнее, продолжилось по ранее проторенной, изученной, позднее закрепленной, а еще позже осужденной дороге. Дороге, которая оказалась покрепче многих железных.

– А-а... не может быть! Значит, и ты такой же! Он уже три месяца в тюрьме, а ты скрываешь, молчишь, создаешь видимость активной работы! Ты двурушник, ты кулацкий внук, ты сын зажиточных родителей, ты примазался к активу техникума, ты скрываешь свою враждебную душу...

«Ты, ты, ты...» – разрывы грохотали надо мной один за другим. Мне еще семнадцати не исполнилось, и я прекрасно помнил, что дед мой – простой кузнец, бабушка всю жизнь трудилась в полях. Они воспитали шестерых сыновей и троих дочерей в понимании того, что человеческий труд на земле – главное в жизни и судьбе. В трудовом духе готовили к

жизни и меня, учили отдавать всего себя своему личному призванию и общему делу.

Но кто же такой мой дядя, неожиданно для меня объявленный врагом народа?

Боград Ефим Исакович родился в 1898 году. Коммунист с 1917 года, прошел большой путь в партийной иерархии. Окончил Ленинградский институт красной профессуры, работал в столице Украины Харькове во ВУЦИКе с Г. И. Петровским¹, затем с П. П. Постышевым². В начале тридцатых – секретарь Кобелякского райкома партии Харьковской области, Фастовского райкома Киевской области. Затем – рек-

¹ **Петровский** Григорий Иванович (4.02.1878–9.01.1958) – член партии с 1897 г., в 1912 г. кооптирован в состав ЦК, член ЦК в 1921–1939 гг., кандидат в члены Политбюро ЦК 1.01.1926–10.03.1939. В 1919–1938 гг. – председатель Всеукраинского ЦИК и ЦИК УССР, одновременно с 1922 г. один из председателей ЦИК СССР, в 1938–1939 гг. – заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР. С 1940 г. заместитель директора Музея революции СССР. *(Здесь и далее примеч. ред. Все даты рождения даны по новому стилю.)*

² **Постышев** Павел Петрович (18.09.1887–26.02.1939) – член партии с 1904 г., член ЦК в 1927–1938 гг., кандидат в члены Политбюро ЦК (10.02.1934–14.01.1938), член Оргбюро и секретарь ЦК (13.07.1930–26.01.1934). С 1923 г. – на партийной работе на Украине. С 1930 г. – секретарь ЦК ВКП(б), одновременно зав. отделами ЦК. В 1933–1937 гг. – второй секретарь ЦК КП(б) Украины, первый секретарь Харьковского обкома и горкома партии (до 1934) и Киевского обкома партии (с 1934). В 1937–1938 гг. – первый секретарь Куйбышевского обкома и горкома ВКП(б). Член ЦИК СССР, депутат Верховного Совета СССР 1-го созыва, на январском (1938) Пленуме ЦК выведен из состава Политбюро ЦК. Репрессирован: в феврале 1938 г. арестован, Военной коллегией Верховного суда СССР 26 февраля 1939 г. приговорен к расстрелу и в этот же день расстрелян. Реабилитирован 1 июня 1955 г.

тор Коммунистического вуза имени Косиора в Киеве. В марте тридцать седьмого дядю избрали членом комитета партии института. А на рассвете следующего после избрания дня его арестовали. Нарушая логику изложения, сообщу: после многих допросов и прочих мытарств дядю сослали в район Магадана, где он и погиб в 1945 году.

Гришка Косой на обвинительном заседании комитета комсомола один молчал. Молчал он и потому, что имел информацию об аресте Ефима Богграда давно. И видимо, был уверен, что и мне это известно. Ибо знали о том люди в моем Добром, знали мои родственники. Знали, но пожалели меня, не сказали. Гришке, думал я сразу после заседания, было немногим легче моего – а что, если бы открылось его тайное знание? Соучастник – тот же враг... И сказать нельзя, и молчать страшно! Так я мог подумать, так бывало. Вот как нас вязала судьба, и не только в тот яростный тридцать седьмой...

А снаряды, копившиеся надо мной с марта, продолжали рваться...

«Все, что ты делал в техникуме, – специально продуманная тактика. И действовал ты под руководством дяди – врага народа, ты им проинструктирован, он научил тебя, как вредить на железнодорожном транспорте...»

Мне напомнили и время инструктажа: 1936 год, когда, возвращаясь из Винницы в техникум с производственной практики, я заехал в Киев и посетил дядю.

«Так я мог подумать, так бывало». Это я сказал о Григории Косом, которого считал другом детства, с которым провел вместе каникулы, ехал в одном вагоне, торопился утром в техникум. А торопились мы с разными целями. Дружок Гришка-то устремился куда надо, кому надо и доложил, что у Бюграда дядя – враг народа. Не забыл он написать докладную записку и в комитет комсомола. Везде успел. С его «доклада» машина и закрутилась. Впрочем, «машина» крутилась хорошо и без него или меня. Дня тогда не проходило без арестов. Предыдущий тридцать шестой буквально врубился в память народа наводящими ужас процессами, где в качестве государственного обвинителя выступал мрачный Вышинский³. Обстановка раскалилась до такой температуры, что малой искры-упрека хватало, чтобы любой человек становился подозреваемым, затем исключался, увольнялся, арестовывался. Обвинения «клеились» самые невероятные. О причинах этого сказано и написано столько...

³ **Вышинский** Андрей Януарьевич (10.12.1883–22.11.1954) – в социал-демократии с 1903 г. (меньшевик), член РКП(б) с 1920 г., член ЦК с 1939 г., кандидат в члены Президиума ЦК 16.10.1952–6.03.1953. В 1913 г. окончил Киевский университет, доктор юридических наук, академик АН СССР (с 1939). С 1923 г. прокурор Уголовно-судебной коллегии Верховного суда СССР. В 1925–1928 гг. – ректор МГУ. С 1931 г. – прокурор РСФСР, заместитель наркома юстиции РСФСР. С 1933 г. – зам. прокурора, в 1935–1939 гг. – прокурор СССР. В 1939–1944 гг. – зам. председателя СНК СССР. С 1940 г. – первый зам. наркома, зам. министра, в 1949–1953 гг. – министр иностранных дел СССР. С 1953 г. – первый зам. министра иностранных дел СССР и постоянный представитель СССР в ООН.

низм, руководители, НКВД, неудачная модель социализма – с одной стороны, а народ, как стадо готовых к закланию баранов, – с другой?! Я жил рядом с этой «машиной», побывал внутри нее. И убежден: главным тогда было то, что большинство людей старалось выступить в роли разоблачителей, заработать славу бдительного большевика. «Бдительные» не думали, что сами лягут под колеса ими же разгоняемой жизнедробильной машины репрессий.

Дядя мой ни в чем не был виноват ни перед народом, ни перед государством.

Но меня утром исключили из комсомола, а вечером буквально притащили на заседание Полтавского горкома комсомола. А там меня хорошо знали как председателя профкома, как члена комитета комсомола, инициатора многих общественных дел; часто я представлял секретаря комитета комсомола техникума на заседаниях горкома.

На заседании горкома – сенсация! Бוגрад – двурушник, то есть он одновременно и известный активист, и прихвостень врага народа! Меня заставили рассказать биографию, дать «развернутую анкету».

Говорю, что отец мой до революции был батраком, работал перегонщиком скота у скототорговца...

Тут же мне заявляют:

– Нет, ты сын торговца скотом! Отсюда и идеология в тебе такая!

И так далее, и тому подобное.

Все мои доводы, все слова тут же перелицовывались наизнанку. Я был ошеломлен вконец. День оказался еще тот! Град обвинений, повторяющих и имитирующих модные в то время газетные строки!

Приговор единоголосный – утвердить исключение из комсомола. Предложение – сдать комсомольский билет. Вот тут я соврал:

– Билета с собой не имею...

(Так он и остался со мной до восстановления в комсомоле через год Полтавским обкомом. Но всякий день того года правомерно бы засчитать в жизненный стаж с коэффициентом один к трем.)

...Назавтра я сдал дела председателя профкома Наде Комаровой и отправился на практику в Полтавское отделение службы пути. Внешне все шло как всегда, как надо. Нет, не все: прежние товарищи меня избегали, вокруг образовалось пустое пространство. К тому же началась предсудебная волокита. Очень «вовремя» при передаче дел в кассе профкома обнаружили недостачу более пятидесяти рублей. Недостача образовалась по вине секретаря профкома, но повод для того, чтобы посадить меня, вполне достаточный. К счастью, следствие не нашло в моих действиях состава преступления. И такое случалось! А я ежеминутно ожидал ареста.

Закончились практика, каникулы. Первого сентября я в техникуме, студент последнего курса. Уже в семь утра я в коридоре и вижу на доске объявлений приказ начальника тех-

никума Бураковского. А в приказе: студента Богграда П. Л. и еще двоих за связь с врагами народа исключить из техникума. Я застыл.

«Что же делать, куда обратиться? Что дальше? Нет, все! Жизнь кончилась!»

Я стою столбом. Студенты, в том числе те, с кем я учился в семилетке, проходят мимо, даже не взглянув. Все, злой рок настиг жертву.

Но нет, оказывается. И в обстановке всеобщего страха жили настоящие люди, настоящие мужчины. Стою обалдевший и вдруг слышу знакомый хриплый голос, шепнувший на ходу:

– Немедленно отправляйся в отдел подготовки кадров в Харьков, там все решишь.

Петр Ильич Кихтенко, начальник учебной части техникума, наш любимый педагог! А хрипел он из-за трубки в горле. Как можно забыть его голос, его несколько сутулую фигуру? Старый, опытный инженер-строитель путевого хозяйства, больной человек – он оказался единственным настоящим среди многих трусов, взял на себя роль спасителя. Но уточню – единственный в тот день, но не единственный в жизни. И вообще, по-моему, если б в наших судьбах не было спасителей и если б мы сами не старались иногда стать такими, ни о какой жизни и речи бы не было.

Следующие двое суток я был бездомным и безработным, не спал, не ел... Днем пытался пробиться к начальнику тех-

никума, к руководителям Полтавского отделения железной дороги – напрасно. На вокзал ночами не пускают, в сквере напротив холодно. Полежу на скамейке, побегая для согрева... И вдруг вечером встречаю сторожа техникума, старого железнодорожника и члена партии. Снова спасение: он приводит меня к себе домой, кормит-поит, укладывает спать, а рано утром «прикрепляет» к знакомому кондуктору, и я поездом отправляюсь в Харьков. Там сразу же – в знакомое мне по делам в Дорпрофсоже управление Южной железной дороги. В день приезда в отделе подготовки кадров меня не приняли, но предложили все изложить на бумаге и прийти завтра.

А на Харьковском радиозаводе работала старшая сестра моего отца Дина Исаковна Коган. Ее, члена парткома завода, трагедия брата Ефима обошла стороной. Я ей все рассказал, с ее помощью написал объяснение на имя начальника отдела подготовки кадров, с которым и прибыл на следующий день. Принял меня начальник очень любезно. Говорили мы один на один, и, хотя имени репрессированного дяди не упоминалось, я понял – он его знает хорошо. В заключение встречи он посоветовал: отправляйся к родителям и жди, оставаться в Харькове или Полтаве нельзя.

Вечером встретился с тетей Диной и узнал, что начальника отдела подготовки кадров Южной железной дороги днем арестовали! И действительно, как сказала тетья, он был знаком с дядей Ефимом по работе в ВУЦИКе.

Все шло естественным путем, «машина» работала, я же метался где-то рядом с ее колесами.

Только поговорили с тетей, заходит к ней сосед-еврей, бывший член компартии Польши, в конце двадцатых годов бежавший оттуда, спасаясь от преследований. Видел его всего несколько минут, но он запомнился мне приятной наружностью и обаянием. Около четырех часов ночи нас разбудил стук в парадную дверь. Кто-то открыл, потом тишина, снова стук, на этот раз в дверь к «поляку», опять тишина. Тетя Дина выходит на кухню, возвращается и говорит:

– У соседа обыск, быстро одевайся и уходи из дома.

На выходе на меня не обратили внимания. Я не спеша миновал знаменитый автозак, окрещенный народом «черный ворон», и, не оглядываясь, быстро удалился. К тете уже не вернулся. Вечером уговорил кондуктора поезда Харьков – Одесса взять меня до нужной станции. Что было не так сложно: летняя форма железнодорожника, удостоверение личности студента третьего курса железнодорожного техникума, ни копейки в кармане.

Только в родительском доме отчаяние и горе прорвались из груди слезами. Поначалу я ничего не мог даже сказать-объяснить. Но юная жажда жизни взяла свое. Я спрятал память о случившемся подальше в глубины сознания и принялся искать свое место в новых условиях. От разговоров о прошлом, о причинах ухода из техникума я уклонялся. Познакомился с ребятами из средней школы, районной типо-

графии, больницы и маслосырзавода, где работал мастером мой отец. На последний и устроился табельщиком-учетчиком при нормировщике Саше Россенберге. Он научил хронометражу рабочих процессов, их учету, выведению средней нормы, производству расчетов для начисления зарплаты. Вначале работа захватила, потом я в ней разочаровался – слишком однообразно и скучно. Тут уволились с завода секретарь и кассир. И директор завода Пуриш (молдаванин) предложил эти должности мне. Как и почему такое получилось, и теперь не понимаю. Юноше в семнадцать с небольшим доверили получение крупных сумм (от тридцати до ста тысяч рублей)! Я их складывал в древний портфель и нес пешком около двух с половиной кило метров от сбербанка до завода без какой-либо охраны. Благодаря мне рабочие завода всегда знали о наличии денег в кассе. И главный бухгалтер завода, старый холостяк Хазанов, вынужден был сменить свое отношение к рабочим – началась практика выдачи авансов.

На заводе меня хорошо узнали, но тайна о недавнем прошлом и страх его возвращения не позволяли ощущать истинную радость от жизни и работы. То и дело мне приходилось внутренне как бы «скручиваться», прятаться от чужого любопытства и интереса. С детства меня приучили говорить правду, и вынужденное молчание или вранье отзывались такими укорами совести, что я чувствовал себя неполноценным и ущербным человеком.

Муллер, парторг завода, часто спрашивал:

– Ты почему не вступаешь в комсомол?

– Извините, я еще не совсем созрел...

– Ты действительно несознательный субъект!

...И вот пришел январь 1938 года. На всю страну прозвучала высочайшая формула: «Сын за отца не в ответе». Смысл ее многозначен: отец может быть плохим, а может быть и хорошим, но идеал сына – Павлик Морозов; да и вообще семейные отношения окончательно поглощались приоритетными связями «человек – государство»... Но я уцепился за формулу и в конце января написал Сталину письмо, в котором изложил все, что со мной произошло. Ответа не было долго, и надежда на него терялась.

Тут началась кампания по выборам в Верховный Совет республики. Выполняя поручение завкома, я от имени заводской молодежи выступал на предвыборных собраниях, выступления печатались на страницах районной газеты. Страх понемногу уходил, и я подумывал о том, чтобы заново вступить в комсомол.

И вдруг – письмо из приемной Сталина!

«Ваше дело поручено рассмотреть Полтавскому обкому комсомола...» А в начале августа – вызов на заседание бюро обкома...

Вечером, после заседания, я с новым комсомольским билетом уже находился в общежитии изгнавшего меня техникума. Естественно: ведь меня восстановили, хотя год студен-

ческой жизни был потерян, мои сокурсники уже закончили обучение.

Тем не менее я снова как бы обрел крылья. Еще бы: письмо из приемной самого Сталина! Но первого сентября я вновь понял – да, человек всего лишь винтик в государственной машине. Начальник техникума Бураковский распорядился к занятиям меня не допускать и от беседы отказался. Секретарша пояснила:

– С бывшим студентом и бывшим комсомольцем начальник говорить не будет!

Вид нового комсомольского билета не произвел на нее никакого впечатления. И снова спасительный совет: преподаватель техникума Сальников порекомендовал обратиться напрямую к наркому путей сообщения Л. М. Кагановичу⁴. Я отправил телеграмму, где сообщил о снятии ложного обви-

⁴ **Каганович** Лазарь Моисеевич (1893–1991) – член партии в 1911–1961 гг., член ЦК в 1924–1957 гг., член Политбюро (Президиума) ЦК (1930–1957), член Оргбюро ЦК (1924–1925 и 1928–1946), секретарь ЦК (1924–1925 и 1928–1939). В 1925–1928 гг. – генеральный секретарь ЦК КП(б) Украины. В 1931–1934 гг. – первый секретарь МГК партии. В 1935–1937 гг., 1938–1942 гг. и 1943–1944 гг. – нарком путей сообщения СССР. В 1937–1939 гг. – нарком тяжелой промышленности СССР, в 1939 г. – топливной промышленности СССР, в 1939–1940 гг. – нефтяной промышленности СССР, одновременно в 1938–1947 гг. зам. Председателя СНК (Совмина) СССР. В 1946–1947 гг. и 1956–1957 гг. – министр промышленности строительных материалов СССР. С 1957 г. директор Уральского калийного комбината. С 1961 г. – на пенсии. На июньском (1957) Пленуме ЦК выведен из состава Президиума ЦК и из состава ЦК за несовместимую с ленинскими принципами партии фракционную деятельность, в декабре 1961 г. первичной парторганизацией исключен из партии.

нения в сотрудничестве с «врагом народа», восстановлении в комсомоле и о противодействии Бураковского. Жить было негде, я оставил свой адрес в техникуме и уехал к родителям. Несколько дней вся семья была в жутком состоянии, мы не знали, что будет, что предпринять. Наконец, телеграмма. «Срочно приезжайте, вы восстановлены в техникуме».

Как будто все стало хорошо... Но, как верно заметил еще Маркс: жить в обществе и быть свободным от него невозможно. А советское общество продолжало гипнотизироваться, пронизываясь всеобщей подозрительностью и недоверием. Некоторые студенты открыто следили за мной, не упуская случая унижить и напомнить о происшедшем. Сочувствия не проявил никто. Люди, то ли из инстинкта самосохранения, то ли из стремления продвинуться наверх по чужим костям, всегда были готовы донести на ближнего. Случаев таких кругом было множество.

Запомнился такой...

Один студент техникума рассказал в компании, как смог проявить классовую пролетарскую бдительность. Обедал он как-то в вокзальном ресторане, и к нему за столик подсел пожилой, измученный на вид человек. И стал жаловаться крепкому молодому парню на порядки в стране. Мол, газеты шумят о каких-то врагах народа, все делается для возвеличивания некоей одной личности, народ отвлекают от реальных трудностей... И тому подобное.

Не вступая в разговор, студент наш быстренько пообе-

дал и немедленно отправился в привокзальный отдел НКВД. «Болтуна» тут же забрали. Но студент перед друзьями все же признался:

– С каким презрением он на меня смотрел! Стало даже не по себе...

Слабые не выдерживали давления постоянного страха. Двое студентов в отчаянии бросились под поезд...

Глава эта получилась самой объемной в книге. Я намеренно пошел на это, так как писал о временах, в которые закладывалось то, что проявило себя не только в начале войны, но и в последующей государственной биографии. И не только государственной, коснулось оно буквально всех и каждого.

И вот вопрос: всякий ли народ, любое ли общество способно подчиниться, не только внешне, но и внутренне, диктатуре страха? Не на этой ли способности прорастают имперские амбиции? А уж если ростки укоренятся в общественном сознании... Тогда можно услышать: «Да, пусть мы живем плохо! Зато мы самые сильные, все нас боятся!»

А в маленькой Швейцарии люди не знают ни внутреннего, ни внешнего страха...

Довоенная армия

В августе 1939 года, после окончания Полтавского железнодорожного техникума, я работал прорабом подвижной экскаваторной колонны, участвовал в строительстве железной дороги Магнитогорск – Караганда. Я сам напросился на строительство новых магистралей, где применялись впервые появившиеся средства механизации (экскаваторы, прицепные грейдеры, самосвалы, путеукладчики инженера Платова и другие машины). Под моим началом был экскаватор с паровым двигателем, оснащенный ковшом – «прямой лопатой», – берущим за раз полкубометра грунта.

Жили мы в больших палатках, имелась небольшая походная кухня, на местах стоянок из досок сбивались столы и скамейки. Был даже магазин, размещенный тоже в палатке. Одевались мы кто во что мог. Общими для всех были легкие, сшитые из брезента сапоги на резиновом ходу. При непогоде использовались мешки из-под продовольствия. Начальство отличалось тем, что имело брезентовые плащи с капюшоном. В общем, романтики хоть отбавляй.

Дело было в двенадцати километрах от станции Комсомольская магистрали Карталы – Акмолинск. Мы вели насыпь основной дороги. Настроение преотличнейшее, лето в разгаре, воздух свежий и даже пьянящий какой-то.

Техника, обеспечивавшая мой участок, была серьезная:

десять самосвалов ЯЗ-3, один самосвал на базе автомобиля ГАЗ, подвозивший уголь для котла экскаватора, и автоводо-возка, часто выходящая из строя из-за неполадок древнего двигателя.

Паровой двигатель непрерывно расходует и горючее для топки и, особенно, воду. И вот к концу дня выходит из строя мотор водовозки. Чтобы не сорвать следующий рабочий день, я принимаю решение отбуксировать водовозку на станцию, которая находилась в райцентре Полтавка. Буксир – малый самосвал. В кабину рядом с водителем я усаживаю нормировщицу колонны Лиду, невесту моего коллеги Семена Сулковского; еще двое девчат – учетчица и нормировщица моего участка – вместе со мной занимают места в кузове. Мы втроем встаем позади кабины самосвала. Командую: «Вперед!» Позади на буксире неисправная водовозка, впереди дорога, ведущая не просто к станции, а в будущее, безоблачное, как небо над головами. Встречный ветер вихрится кругом нас, чуть ли не рвет ситцевые платица, треплет мою брезентовую робу.

Одиннадцать километров пролетели в одно веселое мгновение, машина вышла на заключительный спуск, ведущий к станции и селу. Спуск не очень крутой, но длинный, и, подсознательно ощутив опасность, я оборачиваюсь и замечаю, что буксировочный трос оборвался. Я кричу водителю самосвала, чтобы он принял вправо, иначе плохо управляемая масса водовозки, набрав скорость, врежется в нас. Водитель

или плохо меня понял, или испугался и резко крутнул руль. Борт кузова невысокий, я с девочками стою, опершись руками о гладкое железо кабины.

С силой инерции на скорости более шестидесяти километров в час трудно спорить. Девчата цепляются за меня, нас троих бросает влево-вперед, словно теннисные мячи. Я лечу за борт и приземляюсь на камни дороги вначале левым боком, затем головой. Тут же мне на грудь падают, одна за другой, девочки.

Помню ошеломляющую боль, чувствую – сердце от двойного удара (падение на каменистую дорогу и встречный вес двух крепких женских тел) останавливается. Сознание сохранилось, но в теле полное бессилие, ничего невозможно сделать, даже пальцем не пошевелить. Как я мог в тот момент предположить, что чудо уже произошло, что все обойдется потерей нескольких участков кожи? У девочек-то случилась мягкая посадка, не на дорогу приземлились, и сверху на них ничто не обрушилось, так они лишь ремонтом одежды отделались. Да и неуправляемая водовозка – как ее колеса промчались мимо, не задев никого из лежащих на дороге?

А наблюдатели происшествия единодушно решили, что я погиб, и отправили меня в районную больницу в качестве трупа. По моей колонне тут же разнесся слух о гибели прораба Богграда, попавшего между «молотом и наковальней».

Вот так двенадцатикилометровый участок пути мог стать для меня последним. То был первый в моей жизни случай,

когда линия судьбы могла оборваться от внешнего физического воздействия. И этот случай поставил точку в моей гражданской биографии. Через месяц меня призвали в армию, и с октября 1939 года началась служба красноармейцем в железнодорожных войсках Дальнего Востока, в бригаде полковника Кабанова⁵. Того самого Кабанова, который в послевоенные годы стал генерал-полковником, начальником железнодорожных войск страны.

2 октября 1939 года я был призван Полтавским районным военным комиссариатом Челябинской области, на территории которой размещалось управление экскаваторной колонны ПЭК-2, и спустя 25 дней оказался в Приморье, на станции Манзовка, покрыв за это время в товарном вагоне на нарах путь от Южного Урала до почти Владивостока. Более 20 дней в пути. Везли строго, как арестантов, правда, кормили два раза в день и каждую неделю мыли в бане. Все эти

⁵ **Кабанов** Павел Алексеевич (11.07.1897–27.02.1987) – генерал-майор технических войск (4.08.1942). Герой Социалистического Труда (5.11.1943). Участник Первой мировой войны, служил в броневом дивизионе в Петрограде. Участник Февральской и Октябрьской революций. В 1918 г. одним из первых вступил в Красную армию. С 1939 г. командовал 5-й железнодорожной бригадой Особого корпуса железнодорожных войск на Дальнем Востоке. В марте 1941 г. бригада была переброшена в Западную Украину, где и встретила Великую Отечественную войну. В январе 1942 г. назначен начальником Управления военно-восстановительных и заградительных работ № 3. В начале апреля 1945 г. назначен начальником Главного управления военно-восстановительных работ Народного комиссариата путей сообщения СССР и одновременно – начальником железнодорожных войск Министерства обороны СССР (занимал эту должность до 1968 г.).

строгости были связаны с событиями в Монголии в районе реки Халхин-Гол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.